

— Глупая моя девочка, выкинь эти мысли из головы! — поспешила вмешаться Чжао Сун-ши. В отличие от ослепленной обидой дочери, она еще не лишилась рассудка. Видя, куда клонится разговор, женщина не на шутку испугалась. — Те знатные дамы, что заводят себе смазливых прислужников, сами обладают властью и богатством. А ты? Твоя единственная опора — благосклонность и заступничество господина. Разгневаешь его — и хлебнешь в будущем такого горя, что и врагу не пожелаешь.

Чжао Цзи невольно коснулась своего округлившегося живота. На ее губах проступила горькая усмешка.

— Знаешь, матушка, кое-что я наконец уяснила, — негромко произнесла она. — И у Люй Бувэя, и у принца есть всё — и деньги, и влияние. Любая женщина будет у их ног, стоит лишь поманить. А кто я для них? Нужна ли я ему сама по себе? Даже если господин без памяти любит детей... сегодня выносить дитя доверили мне, а завтра на моем месте окажется другая. С моим-то происхождением... Захочет он прогнать жену — и сделает это в одно мгновение, никто и слова против не скажет.

Чжао Сун-ши побелела от страха. Позабыв, что перед ней беременная женщина, она рванулась вперед и намертво зажала дочери рот ладонью, не давая сорваться ни единому слову. Чжао Цзи забилась, глухо мыча, но мать держала крепко, не ослабляя хватки.

Но куда беременной тягаться силами со здоровым человеком? Перед глазами у Чжао Цзи все поплыло, а внизу живота вдруг отозвалось резкой, тянущей болью. Какими бы безумными ни были ее мысли, она прекрасно понимала: дитя в ее чреве — единственный билет в будущее, и вредить ему нельзя. Чжао Цзи перестала сопротивляться, опустила руки и судорожно обхватила свой живот. По ее бледным щекам покатились слезы.

Заметив это, Чжао Сун-ши испугалась до полусмерти. Силы разом оставили её, она тяжело осела на пол повозки, не в силах даже позвать лекаря.

Прошло немало времени, прежде чем спазмы в животе Чжао Цзи наконец утихли. Вся ее одежда взмокла от холодного пота; от недавней спеси и ярости не осталось и следа. Она лежала бледная, совершенно обессиленная.

Мать робко следила за каждым ее движением. Убедившись, что дочери полегчало, она осторожно помогла ей лечь поудобнее на мягкие подушки и принялась ласково поглаживать ее живот.

— Моя вина, моя... — тихо приговаривала Чжао Сун-ши. — Но и ты, доченька, больше так не буянь. Тебе рожать скоро. Если, упаси боги, господин услышит подобные речи, тебя уже ничто не спасет.

Чжао Цзи молча кивнула. Вытерев испарину со лба, она наконец затихла. Видя, что дочь успокоилась, Чжао Сун-ши тоже замолчала — побоялась, что лишние нотации лишь раззадорят строптивую девку. В тесном полумраке экипажа воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь хриплым дыханием беременной да унылым свистом ледяного ветра, пробивавшегося сквозь щели в занавесах.

Когда Люй Бувэй подкупал Гунсунь Цяня и стражу у ворот Ханьдани, он твердил, что спешно возвращается в родное Царство Вэй. Царство Вэй лежало к юго-востоку от Царства Чжао. Поскольку все силы чжаосцев сейчас были стянуты к границам в ожидании скорого вторжения циньских войск, беглецам без лишних подозрений открыли южные ворота — самый короткий и привычный путь для купцов, идущих в сторону Царства Вэй. Вот только само Царство Цинь находилось совсем в другой стороне — на юго-западе!

Если взглянуть на карту Поднебесной, то Царство Вэй и Царство Цинь располагались почти на одной прямой линии, протянувшейся с востока на запад.

Вывавшись за южные ворота Ханьдани, Люй Бувэй понимал: можно, конечно, сразу повернуть коней на Сяньян и гнать во весь опор. Но тяжелые, привычные к неспешной купеческой клади упряжные клячи не выдержали бы гонки с летучими отрядами чжаоской конницы. Стоило Гунсунь Цяню обнаружить исчезновение Цинь Цзычу и доложить обо всем Правителю Царства Чжао, погоня тут же устремилась бы по прямой дороге к циньским рубежам.

Потому Люй Бувэй решил запутать следы. Он направил караван по тракту в сторону соседнего Царства Вэй — соседа Чжао, граничившего также и с его родными землями.

Правитель Царства Вэй совсем недавно заключил с Царством Цинь союзный договор. И пусть вэйский и чжаоский царские дома связывали узы родства, в бурную эпоху Сражающихся царств вчерашние союзники легко становились врагами. К тому же Правитель Царства Вэй слыл человеком робким, нерешительным и явно не горел желанием навлекать на себя гнев набравшего мощь Царства Цинь.

Люй Бувэй, исходивший Поднебесную вдоль и поперек, прекрасно ориентировался в хитросплетениях большой политики. Быстро взвесив все за и против, он крикнул кучеру:

— Правим в Царство Вэй! Будем пробираться вдоль Хуанхэ.

Древние названия рек и долин мало что говорили Цинь Цзычу — в прежней жизни он не изучал историческую географию. Но сейчас это было и не важно. Люй Бувэй шел на смертельный риск вместе с ним, они были запряжены в одну колесницу. А значит, хитрый купец выберет самую безопасную дорогу. Цзычу оставалось лишь набраться терпения и ждать, пока его доставят на циньскую землю.

Однако великий торговец оказался на редкость проницателен. Заметив тень сомнения на лице своего спутника, Люй Бувэй понимающе усмехнулся. Он наклонился, аккуратно свернул расстеленный на полу повозки шерстяной ковер и бережно разложил его на низком чайном столике.

На нежном молочно-белом ворсе красовались причудливые цветные узоры. Присмотревшись, Цзычу обомлел: перед ним лежала подробная карта Семи царств! Пусть очертания границ и русла рек были начертаны с искажениями, для этой эпохи подобная вещь была бесценным сокровищем. Настоящая военная карта времен Сражающихся царств!

У Цзычу даже дыхание перехватило. Любой мало-мальски начитанный человек знал, что карты в эти беспокойные времена считались строжайшей государственной тайной. Хранить их у себя простому смертному запрещалось под страхом смерти. Но сейчас, когда Люй Бувэй водил пальцем по шерстяным узорам, разъясняя их маршрут, Цзычу не мог упрекнуть его в безрассудстве. В конце концов, именно он получал от этого безумного шага наибольшую выгоду.

«Ишь какой предусмотрительный, — мысленно усмехнулся Цзычу, подмечая, как в таких мелочах проглядывает поистине хищная натура Люй Бувэя. — Всё рассчитал»

Впрочем, на лице его не отразилось и тени этих мыслей. Изобразив простодушный восторг, Цзычу чуть ли не носом уткнулся в пушистый ковер, жадно запоминая древние названия застав и городов. Спустя мгновение он поднял на купца взгляд, полный искреннего восхищения:

— Ну и ну! Великий наставник, у меня просто слов нет. Какая поразительная работа! Вся Поднебесная как на ладони!

Еще недавно Люй Бувэй держался настороженно, готовый к любым каверзам, но перед этим искренним, сияющим взором его бдительность дала слабину. Мужское тщеславие взяло верх, и торговец, не удержавшись, принялся хвастливо выкладывать историю создания своего шедевра.

— По долгу службы мне довелось исходить немало дорог, — самодовольно улыбнулся Люй Бувэй. — В каждом царстве у меня завязывались знакомства с другими купцами. Мы часто делились новостями: где какие нравы, как принимают торговый люд... Ведь наше ремесло полно опасностей. Одно неверное слово, косой взгляд — и ты не просто лишишься товара, но и головы не сносишь. Вот я и начал помечать на этом ковре безопасные тракты и обходные пути, чтобы ненароком не навлечь на себя вельможный гнев. Кто же знал, что за долгие годы эти разрозненные пометки сложатся в целую карту Поднебесной?

Цзычу прекрасно понимал истинную цену этого ковра. Знал он и то, что Люй Бувэй ни за какие коврижки не расстанется с ним добровольно. Да и просить о таком подарке было глупо — столь опасная вещь в его руках стала бы лишь обузой. Поэтому он повел себя как простофиля, дорвавшийся до диковинной игрушки: поохал, погладил мягкий ворс и с наигранным

сожалением вернул ковер владельцу.

— Сокровище, истинное сокровище! — покачал головой Цзычу. — Берегите его, великий наставник. Когда мы прибудем в Сяньян, преподнесите этот ковер нашему государю. Его Величество придет в восторг и щедро одарит вас чинами.

Люй Бувэй задумался. А ведь мысль была дельной! В глубине души он лелеял непомерные амбиции, а эта карта за долгие годы настолько въелась ему в память, что он мог бы воспроизвести ее с закрытыми глазами. Зачем хранить ее у себя, рискуя навлечь подозрения, если можно выгодно преподнести самому циньскому правителю?

— Премного благодарен за мудрый совет, господин, — Люй Бувэй почтительно склонился в поклоне.

Цзычу беззаботно рассмеялся и, придвинувшись ближе, заговорщицки прошептал:

— У наследного принца сыновей без счета. В Ханьдане имя Цинь Цзычу звучало гордо, ведь я был единственным заложником королевской крови. Но на родине я стану лишь одним из многих внуков государя, затеряюсь в толпе братьев. Без вашей поддержки, великий наставник, мне никак не обойтись. На вас вся моя надежда.

От этих слов у Люй Бувэя потеплело на душе. Чем больше принц заявлял о своей зависимости, тем спокойнее было купцу: значит, Ижэнь — обычная посредственность, которой легко вертеть, и избавиться от своего благодетеля по прибытии он не посмеет.

Недавние колючие намеки принца на их прошлое теперь казались Люй Бувэю лишь проявлением юношеского страха. Наверняка бедняжка просто боялся, что по возвращении в Сяньян его покровитель переметнется к более перспективным наследникам, вот и пытался заранее привязать его к себе. Люй Бувэй не выдал своего торжества, но на душе у него стало на редкость легко.

С тех пор как Люй Бувэй осознал пропасть, разделяющую их сословия, он оставил всякие надежды на близкую дружбу с царственным отпрыском. И все же уязвленное мужское самолюбие требовало реванша: ему до безумия хотелось, чтобы этот изнеженный юноша во всем полагался на него и шагу не мог ступить без его укаски.

То, что Цзычу даже не заикнулся о судьбе пропавшего Чжан Ли, Люй Бувэй счел добрым знаком. С одной стороны, он радовался такому безграничному доверию, с другой — втайне опасался, что принц затаит обиду и припомнит ему это позже. Последние дни купец пребывал в постоянной тревоге. И вот теперь, когда лед наконец растаял, он поспешил закрепить успех.

— Мой долг — служить вам, господин. Коль не побрезгуете моей скромной помощью, я жизнь положу ради вашего величия.

Цзычу мягко сжал ладони купца и преданно заглянул ему в глаза:

— Берегите себя, великий наставник. За каждую крупницу вашей заботы Цинь Цзычу оплатит сторицей. Я сделаю все, чтобы ваш род процветал в веках, как вы того и желаете.

Люй Бувэй растрогался окончательно. Поддавшись на эту сладкую лесть, он даже не учуял скрытого яда в словах принца.

Цзычу тем временем слегка потянулся и томно вздохнул:

— Душно здесь, в повозке. Великий наставник, если вам не холодно, не могли бы вы приоткрыть окно? Мне бы хоть глоток свежего воздуха.

— Что же вы молчали, господин? — засуетился Люй Бувэй и поспешно отодвинул плотную деревянную заслонку.

Холодный воздух ворвался внутрь, колыхнув шелка розового платья, в которое был облачен Цзычу для маскировки. Сидевшая в задней повозке Чжао Цзи случайно заметила эту сцену через щель в пологие. Видя, как этот «розовый нежный цветок» без труда кружит голову самому Люй Бувэю, она едва не задохнулась от бешеной зависти и злости.

<http://bllate.org/book/18277/1750282>